

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

По дороге на интервью я совершенно случайно поймал себя на мысли, что проезжаю мимо улицы Исаака Дунаевского. Забавное совпадение, если учесть, что я направлялся к его сыну Максиму. Он, кстати, с седьмой женой Мариной живет совсем в другом месте. Хотя "живет" — слово не совсем подходящее. Скорее, гостит по дороге в Америку и обратно. Вечно в пути, вечно на чемоданах: неприхотливый дорожный быт, короткий привал — и снова бежать, лететь, ехать, так до конца и не понимая, где твой настоящий дом. Непрерывная увлекательная гонка по странам, по судьбам, по жизни — удел преуспевающего композитора.

— Композитор Дунаевский — сын композитора Дунаевского. Наверное, так должно было случиться?

— Вы знаете, этот момент очень трудно проанализировать. Во всяком случае, отец не воздействовал на меня напрямую, и в общем-то настоящему я занялся музыкой только после его смерти.

— Почему именно тогда?

— М-м-м... Необъяснимо. Именно после смерти отца. Я очень хорошо помню: мне было десять лет, когда он умер, и одиннадцать, когда я объявил о своем желании серьезно заняться музыкой. Отец никогда не пытался сделать из меня свое подобие. Только в одном письме, которое мне не так давно привез его биограф Евгений Бирюков, он упомянул: "Мой сын, которому восемь лет, сел за рояль и, сыграв какую-то импровизацию, нагло объявил ее импровизацией на тему Чайковского. Конечно, все смеялись, а я про себя подумал: "Как приятно увидеть частичку себя в своем сыне". То есть внутри он надеялся, что я стану музыкантом, но ничего для этого не предпринимал.

А кроме музыки я удачно занимался спортом, за что тоже очень благодарен отцу. У меня разряды по совершенно несочетаемым дисциплинам. Например, по бегу на 100 метров, по баскетболу, по теннису, по прыжкам в высоту. Думаю, если бы не музыка, то, наверное, я стал бы хорошим спортсменом. Уже если не олимпийским чемпионом, то во всяком случае заметным профессионалом.

— Имя отца ощутило помогло в жизни?

— Вначале я вообще носил фамилию матери — Пашков. Мама никогда никуда не ходила и никого ни о чем не просила. Она практически не касалась моих дел. В консерваторию я поступил на общих основаниях, абсолютно без всяких протекций, набрав 45 баллов из 45. И вот тогда уже на меня стали обращать внимание как на Дунаевского: "А интересно, что же из него получится?".

Однажды на втором курсе меня чуть не отчислили. Дело в том, что у моего тогдашнего руководителя Дмитрия Кабалева было достаточно жесткий взгляд на обучение. А я с первых же дней стал писать на сторону, и Кабалева выразил недовольство, что я работаю в театре и делаю что-то помимо консерватории. В тот год я получил тройку по сочинению, что практически означало профнепригодность. Я очутился на грани исключения. Но люди, которые в меня верили, сумели меня защитить, и я достаточно успешно закончил консерваторию, учась у таких великих мастеров, как Альфред Шнитке, Андрей Эшпай и, конечно же, Тихон Николаевич Хренников.

Впоследствии возникли, конечно, ситуации, когда фамилия мешала. Остались прежние враги отца, завистники. Но с течением времени они ушли из профессиональной жизни, да и просто из жизни. Поэтому я не скажу, что мне кто-то намеренно подставлял ножку. Нет, похвастаться этим я не могу.

— У вас возникла мысль, что, несмотря ни на что, вам никогда не удастся превзойти отца?

— Никогда внутри меня не возникло ничего подобного. Мало того, я пошел по его стопам — музыка к фильмам и спектаклям, мюзиклы (у Исаака Дунаевского — оперетты). Я случайно, совершенно незаметно, повторил путь отца, что оказалось гораздо сложнее. Я совершенно ничего для этого не делал. Так получилось, что на втором курсе консерватории меня пригласили на "Ленфильм" написать музыку к картине режиссера Виталия Аксенова "Синие зайцы". Тогда я еще был молод и хватался, можно сказать, за любой труд. И мне везло. Меня приглашали Ролан Быков, Леонид Квинихидзе, Георгий Юнгвальд-Хилькевич, Александр Павловский, Леонид Гайдай, Татьяна Лиознова... Не могу не назвать также замечательного композитора и аранжировщика Дмитрия Автормяна, с которым я работал на протяжении всех последних лет. В общем-то я стал композитором и известным человеком именно благодаря этим людям.

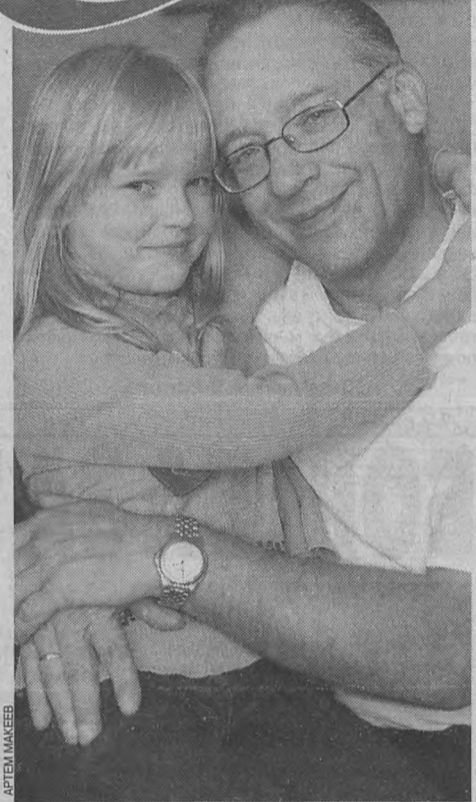
— Максим Исаакович, ваш общий с Натальей Андрейченко сын Митя, насколько я понимаю, уже не будет носить фамилию Дунаевский. Не жалеете, что прерывается славная династия?

— Митя считает себя Дунаевским. Он очень хорошо знает свою родословную — своего выдающегося деда и отца, который был и есть не самый последний человек на свете. Одно время он пошел по музыкальному пути, но сейчас вроде охладел. У него были интересные успехи в этой области. Но не хватало усидчивости, целеустремленности. И я совершенно не испытываю никакой жалости от того, что Митя не станет музыкантом. Это вопрос призвания.

— Вас не беспокоит, что сын отдалился от вас в силу семейных обстоятельств, что вы не можете его воспитывать так, как вам хочется?

— С одной стороны, конечно, вызывает некоторую жалость то, что не удалось прожить с сыном жизнь и как-то повлиять на его будущее. А с другой стороны, как вам сказать: может, я плохой отец? Не знаю. Но это не является для меня трагедией. Так сложилось, что не делать. Философски надо смотреть на вещи. Иногда Митя живет у меня неделями. Тогда я вижу, что как будто в нашем общении и не было перерывов — мы в достаточной мере понимаем друг друга. Насколько вообще возможно взаимопонимание между отцами и детьми.

Седьмое

Справка "МК": Максим Дунаевский родился в 1945 году в семье композитора Исаака Дунаевского. Подобно отцу, стал заниматься музыкой. Учился в консерватории. Написал музыку более чем к 60 фильмам, среди которых — "Д'Артаньян и три мушкетера", "Ах, водовилы, водовилы...", "Карнавал", "Проданный смех", "Трест, который лопнул", "Мэри Поппинс, до свидания!", "В поисках капитана Гранта", "Ловушка для одинокого мужчины". Написал ряд мюзиклов, концертов, сонат, романсов. Вот уже несколько лет активно работает в Америке, где ставит мюзиклы, шоу, пишет музыку для фильмов (например, саундтрек к ленте "Танцуй со мной" ("Dance with me"). В планах композитора — открыть синтетический театр в Москве.

— Не ревнуете его к новому папе?

— Ни в коем случае. Я считаю, что Митя попал в замечательные руки такого высококультурного человека, как Максимилиан Шелл. Жаль только, что в последнее время он вышел из-под его влияния. Возможно, я бы не смог дать Мите всего того, что дал ему Максимилиан. И в материальном плане, и в человеческом, и в профессиональном.

— Вы с Шеллом общаетесь?

— Конечно. Время от времени мы созваниваемся, разговариваем, встречаемся. На разных праздниках, днях рождения.

— Обмениваетесь опытом?

— Обязательно. Он очень часто предьявляет мне, я бы сказал, претензии, что в какие-то моменты я не воздействую на сына, имея на это кровное право. А я побаиваюсь вмешиваться, потому что у Мити есть семья, и сильное воздействие пусть даже и отца, но со стороны, может оказаться нехотят. Как пальцем в небо.

— Ваша нынешняя супруга Марина также встречается с Митей?

— Да, конечно, и с ним, и с Наташей. Особенно когда мы живем в Америке, это происходит достаточно часто.

— Когда я разговаривал с Мариной по телефону, мне показалось, что ее голос удивительно похож на голос Натальи Андрейченко. Может быть, тут кроется какая-то взаимосвязь?

— У Марины действительно очень низкий голос. А если копнуть в этой области... Я — Козерог, в общем-то земной знак, последовательно добавляющийся своих целей. Возможно, несмотря на то что в моей жизни присутствовало достаточно много женщин, все-таки в них можно найти нечто общее — или в голосе, или в характере, или в чем-то еще.

— Говорят, Марина принимает очень большое участие в ваших профессиональных делах. Это правда?

— Ну естественно. Она и советчик, и помощ-

СЧАСТЬЕ

Максим Дунаевский: "Может, я плохой отец?"

ник, и друг. У Марины интересная фамилия, принадлежащая к искусству, — Рождественская. Люди часто удивленно думают, та ли это Рождественская, которая пела мои песни, или речь идет о родственнице Роберта Рождественского. На самом деле нет. Но фамилия действительно достаточно редкая и всегда известная.

— Не секрет, что жены многих известных людей стремятся в определенной степени руководить своими благоверными. Ваша супруга не из их числа?

— Любая женщина пытается нами руководить. Плоха та жена, которая не сделает такой попытки. И плох тот муж, который не даст женщине такую возможность. Так же происходит и в моей семье. Жена моя достаточно молода, но постепенно, я думаю, она возьмет определенные бытовые проблемы в свои руки. Марина знает мои недостатки в этой области. Я не очень привержен дому. То есть я люблю дом. У меня есть прекрасная дача и квартира в Москве, в которой вы сейчас сидите. Но все, как видите, в запущенном состоянии. Я не стремлюсь вычистить свой угол, сделать евроремонт... Есть что есть, что пить, где жить, спать и работать — мне этого достаточно. Я понимаю, что это плохо, потому что человек все-таки должен заботиться и о себе, и о своем будущем. Но такая моя цыганская жизнь. Плюс я живу на две страны и не знаю, где мне вить гнездо. То, что Америка никогда не станет для меня родиной, это однозначно. Хотя я очень люблю Штаты и людей, с которыми меня связывает часть жизни. Но пора уже выбрать. И, наверное, роль жены и заключается в том, чтобы заставить меня это сделать.

— Не опасаетесь, что когда-нибудь из-за своей цыганской жизни вы останетесь ни с чем, в полном одиночестве?

— Да, я задумываюсь над этим все чаще и чаще. Но что делать? Наступить на себя? Тем более мне кажется, что сейчас у меня есть шанс захватить какой-то более-менее...

— ...размеренной жизнью?

— Нет, размеренной жизни у меня никогда не будет. Такой уж я человек. Хочется, конечно, иметь красивый дом. Но для того, чтобы иметь красивый дом, нужно иметь много денег. А для того, чтобы иметь много денег, нужно пойти против себя, против своих принципов. Смогу ли я это сделать?.. Надо либо выбрать этот путь, либо остаться самим собой. И как быть, не знаю.

Я нормально живу, не жалуюсь, я всегда зарабатываю своей профессией столько, сколько мне нужно. А нужно мне, собственно, не так много. И не так мало. Это, конечно, не те деньги, на которые завтра махнул рукой — и построил новый дом, тут же позвал рабочих и сделал шикарный ремонт или купил последнюю модель "Мерседеса". Нет, такого я, к сожалению, не могу. Но есть семья, ребенок жены — очаровательная шестилетняя дочка Машенька, которую я очень люблю. У меня появилась ответственность перед ними. И сейчас как раз тот момент, когда я должен серьезно подумать.

— Максим Исаакович, про ваши браки ходит масса слухов. Сколько же их у вас было на самом деле?

— Нынешний — уже седьмой. Чаще всего первый брак совершается в совсем молодом возрасте — как правило, со своей ровесницей — и, как правило, быстро распадается. Последующие женитбы можно уже назвать более осознанными, хотя они длились ненамного дольше первой. Все мои супруги были в общем достаточно личностными женщинами. Я со всеми поддерживаю взаимоотношения, мы встречаемся и помогаем друг другу, когда это возможно.

— Чем же объясните ваше непостоянство?

— Трудно сказать. Опять же знак у меня вроде как земной и последовательный, но вот в личной жизни оказался непоследовательным. Чем объяснить? Наверное, прежде всего свойством моего характера. Я никогда не обвиняю женщин, которые со мной жили, потому что все они по-своему прекрасны и замечательны.

— Первым ушли вы или, наоборот, бросили вас?

— Во всяком случае, хотя причины могли заключаться не только во мне, как правило, инициатором был я. За исключением, может быть, расставания с Натальей Андрейченко, где инициатором выступала она.

— Я слышал, что вы предпочитаете официально регистрировать свои отношения с женщинами. Не потому ли вы так часто женились?

— Ну что здесь, собственно, удивительного? Я избрал такой путь. Я считаю, что если ты живешь с женщиной и отдаешь ей все, то, наверное, следует жить с ней как с официальной женой. Чтобы не возникало посторонних вопросов: "А с кем это он сегодня опять явился?.." С женой явился!

Женщин, с которыми я жил без штампа в паспорте, я тоже считал своими женами. Наверное, сегодня со мной может любой поспорить и сказать, что жениться совершенно не обязательно. Да, не обязательно, но как-то влечет стать официальным мужем.

— Как вы умудряетесь сохранять хорошие отношения с бывшими женами? Вы не ревнивы?

— Абсолютно. Я могу, конечно, переживать в глубине души, но что такое ревность? Ревновать в душе невозможно. Ревность есть ревность. Либо человек проявляет ее бурно, либо сдерживает себя, то есть не ревнует вовсе. Потому что ревность — это неконтролируемое чувство. Я бы сказал даже — чувство собственности. И у меня этого чувства нет. Я даже с некоторым удовлетворением наблюдаю, как на мою жену смотрят мужчины, восхищаются ей, звонят иногда, куда-то приглашают. Мне Марина об этом со смехом рассказывает. Конечно, может такое случиться, что однажды она мне и не расскажет. Но такая судьба. Я предпочитаю красивых женщин. А если женщина красива, то вряд ли можно избежать взглядов мужчин и даже каких-то поплзновений.

Но дружба с бывшими женами происходит не от того, что я не ревнив. Просто ничего, к счастью, не было испорчено настолько, дабы прекратить взаимоотношения и стать врагами. Очень важно, чтобы при расставании сохранялось человеческое. Ну, кончилась любовь, но это еще не значит, что мы не люди и не уважаем друг друга. Я бы посоветовал всем вести себя именно так.

— Вы практически идеальный муж.

— Ну, если бы я был идеальным, то сохранил бы одну жену надолго. Но полагаю, что я хороший человек. Могу доставлять людям удовольствия, умею придумывать какие-то праздники, отдаю максимум от того, что имею. Почему бы ко мне плохо относиться? После прерывания любовных отношений я всегда веду себя нормально. Возмещаю материальные потери, насколько возможно. Я никогда не бросаю женщин — просто взял и ушел. Не оставляю человека на улице.

— А сына поддерживаете материально?

— Во всяком случае, когда мы расстались с Натальей Андрейченко, я сделал две вещи. Вначале поговорил с Шеллом и предложил свою помощь. Он ответил, что в ней нет совершенно никакой необходимости: "Общайся с сыном, мне ничего не нужно". Естественно, сравнивать материальный уровень Максимилиана, человека с миллионом, и мой, пусть и достаточно известный советского композитора, в те времена было просто смешно. Но если Митя в чем-нибудь нуждался — хотел, например, купить гитару или усилитель, — он практически никогда от меня отказа не знал.

А второй шаг, который я предпринял, — открыл в Сбербанке СССР процентный счет. К восемнадцати годам нарастала очень приличная сумма. Но все сгорело за две революции — в 1992 и 1998 годах.

— Митя сейчас живет за границей?

— Да, учится в Австрии.

— Насколько я знаю, вы сами приехали совсем недавно из Америки.

— Дело в том, что я никуда не приезжаю и ниоткуда не уезжаю. Я езжу туда-сюда. И там, и здесь у меня бизнес, друзья, партнеры. Я как бы между.

— А чем вы сейчас занимаетесь в Штатах?

— В настоящий момент в Атлантик-Сити в очень хорошем театре идет шоу, продюсером которого я являюсь и к которому я написал часть музыки. Представление поставил мой друг — замечательный хореограф и режиссер Алексей Шеллякин. Это не мюзикл, а достаточно распространенный сегодня во всем мире жанр смешанного синтетического зрелища. Нас сравнивают с цирком де Солей, хотя в нашем шоу гораздо больше балета и музыки.

— Вы, как говорят, недавно написали музыку к некому русскому фильму.

— Да, сейчас в Одессе снимается картина "Атлантида". Ее режиссер — мой давний друг, с которым меня связывает большая творческая жизнь, Александр Павловский. В свое время мы с ним сделали много фильмов: "Трест, который лопнул", "Светлая личность", "Ребенок к ноябрю". "Атлантида" — хорошая современная мелодрама с прекрасными актерами. Кроме того, мне интересно поработать с Алсу, которая исполнит в картине две мои песни. Кстати, возможно, в следующем фильме Павловского Алсу уже непосредственно выступит в одной из главных ролей.

— Как вы выбираете фильмы, к которым, по вашему мнению, стоит писать музыку, а к которым не стоит?

— Всегда существует несколько пунктов, на которые прежде всего обращаешь внимание. Для меня очень важно иметь дело с профессионалами. Вот в прошлом году начал сниматься музыкальный фильм, в который пригласили великодушных артистов и музыкантов: Наталью Андрейченко, Михаила Боярского, Юлию Началову, Данко. Вместе с поэтом Юрием Энтиним я написал 16 песен. Но картина не состоялась. Дело в том, что за работу взяли непрофессионалы, которые могут развалить любой проект. Это самое ужасное. Увы.

— И все-таки создается ощущение, что в современной России вы практически не востребованы. Вам так не кажется?

— Вы знаете, хочется уже, чтобы в моем возрасте, в моем положении оценили меня самого. Хочется, чтобы пригласили в какое-то дело, которое, я знаю, я никогда не испорчу, а, наоборот, только улучшу. Но такого, к сожалению, не происходит. Это моя беда, моя драма.

Дмитрий ГУСЕВ.